

ВВЕДЕНСКИЙ Н. Д. — ВЫШИНСКОМУ А. Я.

ВВЕДЕНСКИЙ Николай Дмитриевич, родился в 1880-х, в семье священника. С 16 лет зарабатывал на жизнь уроками, в 1912 — окончил юридический факультет Харьковского института, работал присяжным поверенным; женат на Гедде Ефимовне Введенской. В 1916 — мобилизован как ратник ополчения 2-го разряда, служил на фронте рядовым, в феврале 1917 — избран от своей части в Совет Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. В августе 1917 — выехал с женой в Петроград, работал в Экономическом совете; с января 1918 — в Комиссариате по демобилизации армии; в марте эвакуирован в Москву со своим учреждением; работал в Военно-Законодательном Совете; с июня — в Центротекстиле; вел также вечернюю редакционную работу в Комиссариате Иностранных Дел. С мая 1919 — переехал с женой в Киев, работал в Наркомюсте, а также в Комиссариате Иностранных Дел; позднее — в Совнархозе, затем в Доброфлоте, Губсоли и других учреждениях; с 1923 — в Окргвнторге, с 1929 — в Горплане, затем — заместителем начальника сектора в Центрально-Плановом секторе Облплана; одновременно работал как лектор и научный работник в Институтах. 10 декабря 1934 — арестован «по подозрению в измене родине» и заключен в тюрьму.

В январе 1935 — к Андрею Януарьевичу Вышинскому обратилась с заявлением его жена, Гедда Ефимовна Введенская.

<15 января 1935>

«ЗАМ<естителю> ПРОКУРОРА СРСР
т<оварищу> ВЫШИНСКОМУ.

Введенской Гедды Ефимовны,
сан<итарного> врача, жив<ущей>
в г<ороде> Киеве по Пушкинской
ул<ице> № 33, кв<артира> 5.

П р о ш е н и е

Мой муж Николай Дмитриевич Введенский арестован 10 декабря 1934 г<ода> по орд<еру> Областного НКВД, находится и по настоящий день в До<ме> пре<дварительного заключения> г<орода> Киева в следственном корпусе. Мне, конечно, неизвестна причина ареста; но так как я замужем с мая 1914 г<ода>, и за все 20 лет мы с мужем никогда не разлучались, — вся жизнь его проходила на моих глазах и была во всех отношениях безукоризненной, — я беру на себя полную ответственность за то, что мой муж абсолютно ни в чем предосудительном, будь то политическом или общественном, ни обвиняем, ни даже подозреваем быть не может. И если все же над нами стряслось такое глубокое несчастье, то это, по моему убеждению, плод какого-то недоразумения или даже может быть ошибки. Вы, т<оварищ> Прокурор, стоите на страже исправления таких возможных ошибок, что и дает мне смелость обратиться с просьбой ознакомиться с следственным материалом против моего мужа, и Вы сами убедитесь, что не установлено никаких фактов, могущих быть вмененными в преступление, и скажу даже больше, — таких фактов существовать не может.

Мой муж окончил в 1912 г<оду> Харьковский И<нститу>т по юридическому факультету; с того же года работал по юриспруденции до 1916 г<ода>; в этом году он был мобилизован, как ратник ополчения 2-го разряда простым рядовым и тотчас после февральской революции избран от своей части в Совет Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов; в

августе 1917 г<ода> мы с мужем переехали из Х<арько>ва в тогд<ашний> Петроград, ныне Ленинград, и тогда он работал в Экономическом совете. С января 1918 г<ода> работал в Комиссариате по демобилизации армии; в марте в порядке эвакуации Ленинграда был эвакуирован со своим учреждением в Москву; здесь он продолжал работать в Военно-Законодательном Совете; в июне мес<яце> того же года в Москве перешел в Центротекстиль, был личным секретарем покойного т<оварища> Вячеслава Полонского; одновременно вел вечернюю редакционную работу в Комисс<ариате> Иностран<ных> Дел у т<оварища> Радека; в мае 1919 г<ода> после освобождения Украины мы переехали в Киев, где мой муж работал в Наркомюсте и одновременно в Комиссариате Иностр<анных> Дел; во время занятия Киева денкинцами мой муж, чтобы избежать мобилизации по специальности, поступил в Дарнице на Моск<овскую> Киево-Ворон<ежскую> жел<езную> дор<огу>, где занимал в лесу небольшое место агента по заготовке дров для жел<езной> дор<оги>. Тотчас же по уходе денкинцев и с приходом Сов <етской> власти поступил на работу в тогдашний Совнархоз; затем последовательно служил в Доброфлоте, Губсоли и др<угих>; с 1923 г<ода> до 1929 <года> работал в Окргвнторге при руководителях т<оварищах> Волынском (ныне в Москве в Наркомвнтрторге) и В. Д. Торговец (ныне в Верховной Прокуратуре Украины), одновременно работал в Институтах, как лектор и научный работник и наконец, последние ш е с т ь лет сначала в Горплане, затем с организацией Областей в Центрально-Плановом Секторе Облплана, где он к моменту состоял заместителем начальника Сектора.

За все время своей работы муж мой никогда ни в чем предосудительным замечен не был, никаким взысканиям, выговорам, замечаниям не подвергался. А напротив того, все больше и больше завоевывал себе прочное положение, уважение окружающих, повышения по службе, премирования и не один раз похвальные грамоты, книжку наилучшего ударника, считаясь блестящим работником, которого руководящие лица всячески старались сохранить для своего учреждения.

Как вдруг арест! Это свалилось на нас, как гром с ясного неба. Я терялась и теряюсь посейчас в догадках о причинах этого несчастья. Завесу над случившимся несколько приподнял следователь, допрашивавший меня 17/XII п<рошлого> г<ода>, и больше всего спрашивал о семье моего мужа и о брате его Дмитрие. Вообще, мой муж был всегда отчужден от своей семьи — уже с 16 лет жил самостоятельно на заработки с уроков, почти не бывал у родителей (отец б<ывший> священник), а уезжал для заработков на кондиции. В 18 году, когда мы жили в Москве, к нам приехал младший брат мужа Дмитрий, лет 19-20, пробыл у нас недолго, уехал и с тех пор мы потеряли его след. В 1921 году, по настоянию матери, муж мой попросил одного из уезжавших за границу граждан (фам<илии> не помню) разыскать Дмитрия, который, по рассказам родителей, был мобилизован и увезен белогвардейцами. И, действительно, на наш адрес в Киев получилось письмо, подписанное неким Васильевым; ни подписи, ни почерка муж мой не знал и не узнал, по моему совету, письмо было отправлено матери, которая по почерку узнала, что оно от Дмитрия. Муж мой опять-таки, по просьбе матери, ответил на это письмо, вскоре получил ответ, отправил его снова матери и с тех пор никакой ни переписки, ни каких бы то ни было других отношений с братом Дмитрием у нас не было. Да и вообще, мой муж слишком честный, абсолютно советский гражданин и по своим убеждениям был всегда далек, как и сейчас, от каких бы то ни было связей с эмигрантами.

Он до сих пор даже не знает, не хочет знать и не интересуется, каким образом Дмитрий очутился за границей; да и вообще, повторяю, муж мой очень далек от своих родственников, хотя поддерживает свою мать

материально; но могу сказать, он гораздо ближе к моей еврейской трудовой семье, проживающей в глухой провинции, и также поддерживает материально мою мать-вдову.

Следователь меня больше не допрашивал. 21 декабря п<рошлого> года он мне сообщил, что дело передано военному прокурору, куда и предложил обратиться; нам старш<ий> секретарь военной прокуратуры сказал, что к концу декады следствие будет закончено. 4 января с<его> г<ода> мне тот же секретарь прокурора заявил, что следствие закончено, по нему дано заключение. От военного прокурора оно ушло и направлено в Москву в Особое Совецание НКВД СССР, что затем оно снова будет возвращено в Киев в О<собый> О<тдел> НКВД.

До сих пор мне ничего больше неизвестно о деле; следователь справок не дает, и я измучена неизвестностью. К тому же и я сама подверглась целому ряду страданий — меня выселили из квартиры, меня заставили уйти с работы, я уже не говорю о том, что я лишена сейчас всяких средств.

Все вместе взятое, а также и то, что дело находится в Москве, и побуждает меня еще раз просить Вас ознакомиться с делом и отнести к нему с чуткой внимательностью, с какой Вы всегда призываете относиться к жалобам и заявлением граждан.

Г. Введенская.

Киев, 15 января 1935 г<ода>»¹.

В конце февраля 1935 — Гедда Ефимовна Введенская обратилась за помощью и к Екатерине Павловне Пешковой.

<24 февраля 1935>

«Дорогая, глубокоуважаемая
Екатерина Павловна!

В минуту беспредельного отчаяния, когда я очутилась на краю бездны и готова наложить на себя руки, я решаюсь побеспокоить Вас своим личным делом и решаюсь я на это потому, что и до меня дошло, что Вы чуткая, добрая, отзывчивая и никогда не отказываетесь преклонить ухо к горю даже отдельного человека, если только оно до Вас докатится.

Я, врач Гедда Ефимовна Введенская, жительница Киева; я еврейка из весьма ортодоксальной семьи, не изменила в угоду родным их религии, когда вышла замуж больше 20 лет назад за своего мужа Введенского Николая Дмитриевича, сына рядового провинциального священника.

Все прожитые годы мы с мужем шли рука об руку, трудились, повышали свое образование, сочувствовали и чем могли поддерживали подпольное революционное движение, радостно встретили Октябрьскую революцию, никогда не уклонялись от честного искреннего выполнения советской конституции, признавая ее единственно правильной, отвечающей нашей идеологии в борьбе за социализм.

Муж мой окончил университет в 1912 г<оду>; в прошлом — юрист; при советской власти все время занимал самые ответственные должности, на которых работал с честью, удостаиваясь доверия ответственных руководителей. Подробнее об этапах его работы прошу Вас ознакомиться из прилагаемой при сем копии моего заявления т<оварищу> Вышинскому.

И вот 10/XII п<рошлого> г<ода> над нами стряслась беда! Ни я, ни мой муж абсолютно не знаем, даже отдаленно не догадываемся, чем вызвано несчастье. Муж мой почти три месяца сидит в Киевском допре. Меня через несколько дней выселили из нашей квартиры, предоставив

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1347. С. 46-47. Машинопись, подпись — автограф.

небольшую комнатку; мне предложили уйти со службы врача-диететика; прекратили выдачу жалованья мужу; через 10 дней после ареста его приказом сняли со службы (заместит^{<еля>} начальн^{<ика>} Центрально-Планового Сектора Облплана), мотивируя приказ "по подозрению в измене родине", конечно нас сняли с пайка и т^{<ак>} д^{<алее>}.

Я, ошеломленная ударом, заметалась, как сумасшедшая. На допросе следователя ОБЛ^{<астного>} О^{<тдела>} НКВД я чистосердечно вскрыла все этапы нашей с мужем совместной жизни, которая за слишком 20 лет не омрачена ни одним облачком, а напротив, пронизана полным доверием друг к другу и знанием всех потаенных мыслей и помыслов.

Здесь на месте следствие было закончено сравнительно быстро. Материал был переслан военному прокурору, и он дела не задержал, а скоро переслал его в Москву в Особое Собрание НКВД. Это было в первых числах января с^{<его>} г^{<ода>}. С тех пор о деле ни слуху, ни духу. Здесь в Киеве меня нигде не принимают, ввиду того, что дело ушло; свиданий не дают, на работе восстановиться не могу, средств у меня абсолютно никаких, даже передачи не на что делать. Поехать в Москву хлопотать тоже не могу как из-за отсутствия средств, так и по состоянию своего здоровья.

Помогите, добрейшая Екатерина Павловна! Поинтересуйтесь сущностью "дела" и, если у В^{<ас>} сложится убеждение, что мой муж без оснований попал в беду, помогите ему выкарабкаться из нее и спасите нас обоих!

Кроме того, что я Вам пишу и что я написала в своем заявлении, а равно кроме того, что я показала следователю, я не имею никаких данных, равно утверждаю, их нет и у моего мужа, которые могли бы быть ему инкриминированы, как политическое преступление.

Г. Введенская.

24/II - 1935 <года>

Мой адрес: Пушкинская ул^{<ица>} д^{<ом>} № 33, кв 5. Киев[>]².

В апреле 1935 — заведующий юридическим отделом Помполита сообщил Гедде Ефимовне Введенской.

<19 апреля 1935>

«ВВЕДЕНСКОЙ Г. Е.

В ответ на В^{<аше>} обращение сообщаю, что согласно полученной справке, В^{<аш>} муж, Введенский Ник^{<олай>} Дм^{<итриевич>}, приговорен к ссылке в Казахстан на 5 лет с 11/XII-34 г^{<ода>}[>]³.

*Осенью 1936 — о смягчении участи Николая Дмитриевича Введенского вновь просили помощи Помполита*⁴.

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1347. С. 46. Машинопись, подпись — автограф.

³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1347. С. 44. Машинопись.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1520. С. 228, 230-232.